

ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОЗНАНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Безусловно, и жизнь, и творчество каждого крупного художника во многом противоречивы. Противоречия эти полигенетичны. Они неизбежно возникают в результате внутреннего развития личности, ее духовных исканий, смены или пересмотра взглядов, убеждений, верований, мировоззрений, всякого рода общих и частных оценок, эстетических критериев и т. д. Они нередко обусловлены и особенностями натуры художника, склонной к двойственному восприятию жизни, мира, людей, духовных реальностей. Это может быть кардинальный разлад между взаимоисключающими идеями, словом и делом, ценностями прошлого и настоящего, воображаемым и действительным и т. д. Но в каждом конкретном случае важно понять природу этих противоречий, то, как они воспринимались самим писателем, как отразились в его художественном творчестве.

Что касается многочисленных и многообразных блоковских противоречий, то они, по большей части, констатировались критиками и исследователями как некая бесспорная данность, одна из личностных доминант, характеристик, либо просто фиксировались в том или ином локальном смысловом контексте.¹ Так, например, Д. Е. Максимов, рассматривая тезис об «апологии противоречий» в творчестве поэта, отмечал: «Изучая прозаические сочинения Блока, нельзя не заметить того исключительного внимания, которое он уделял идее противоречия, и не оценить того глубочайшего значения, которое она имела в самой структуре его мысли и творчества».² Следует заметить в связи с этим, что в статьях и рецензиях поэта совсем немного прямых указаний на то, что он придавал огромное значение противоречиям в творчестве художников. Мало таких его высказываний, из которых можно сделать однозначный вывод об «апологии противоречий». Одно из них, в частности, о Р. Вагнере: «... Вагнер носил в себе спасительный яд творческих противоречий».³

Д. Е. Максимова принадлежит и другое наблюдение: «В суждениях Блока на разные темы мы встречаем большое количество противоречий не только диалектических, но и просто субъективно-психологических, зависящих от настроения поэта».⁴

¹ Примером подобной констатации может служить, между прочим, небезынтересное для нас в данном случае высказывание М. А. Бекетовой об отце Блока: «Ал(ександр) Льв(ович) весь состоял из противоречий» (*Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 298*).

² *Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 290.* Ср. также в статье Л. Тимофеева «Поэтика контраста в поэзии Александра Блока»: «Для публицистики Блока, которая неразрывно связана с его временем, чрезвычайно характерно стремление поэта сопоставить, столкнуть между собою противоречивые явления действительности в их наибольшей резкости и остроте...» (*Русская литература. 1961. № 2. С. 98*).

³ *Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 24.* В дальнейшем ссылки на это издание (М.; Л., 1960—1963) даются в тексте (аббревиатура — *СС-8*) с указанием тома и страницы.

⁴ *Максимов Д. Указ. соч. С. 515.*

Ф. Степун попытался (чрезмерно, пожалуй, обобщая и утрируя) выявить первопричину противоречий Блока, исходя из его особого душевного склада и мировосприятия, которые, казалось, уже изначально многое объясняли: «Его душа, его мирозерцание, а потому, конечно, и его творчество совмещают как будто бы совершенно несовместимые вещи. <...> Его всео вместимость не синтез, а хаос. Этот хаос получается у него потому, что все его высказывания зависят от того душевного состояния, в котором он находится, от того человека, с которым он в данную минуту говорит, и от состояния мира, каким он его в данную минуту чувствует. Его мнения и чувства порождаются, таким образом, не объективными причинами, а как бы случайностями. В этом смысле стиль его мышления может быть определен термином субъективного окказионализма, который, по мнению немецкого ученого Карла Шмидта, характерен для всех романтиков».⁵

К. И. Чуковский видел в Блоке человека с ярко выраженным «двойственным восприятием мира», и эта двойственность личности поэта, по мнению критика, выражала содержание и дух времени: «Здесь та изумительная двойственность, в которой было главное обаяние лирики Блока: пафос, разьедаемый иронией; <...> хула и хвала одновременно. Все двоилось у него в душе, и причудливы были те сочетания веры с неверием, которые сделали его столь близким современной душе. Он и веруя — не верил, что верует, и насмехаясь над мечтами — мечтал. <...> Блок не был бы *нашим* поэтом, если бы он не был двойным. <...> Поэтому неправы были те, кто искали в его позднейших стихах какое-нибудь одно определенное чувство. В них было и то, и другое, оба сразу, противоположные. <...> Двоеверие в себе и других он заметил еще в 1904 году:

Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы...

<...> Такой двойственности еще не было в русской поэзии... <...> Всегда он любил ненавядя <...> и поклонялся кощунству...»⁶

Не то чтобы все эти утверждения были голословными, ничем не обоснованными, но им явно не хватало конкретных аргументов, фактов, наблюдений. Блоковские противоречия до сих пор не рассматривались как многоуровневая, многоаспектная проблема. Поэтому нет сколько-нибудь целостного, совокупного представления о них. Это тем более существенно, что сам поэт отнюдь не склонен был признавать очевидность своих тотальных противоречий, на которые ему время от времени указывали современники. Так, например, в письме к Андрею Белому от 22 октября 1910 года, в котором речь идет о статье «О современном состоянии русского символизма», он утверждал: «... я всегда был *последователен* в основном (многие <...> считают моей истинной природой неверность, противоречивость; например — Чулков; но я не считаю этого правильным)... <...> Это — я сам, неизменный, и *никогда не противоречивший себе*. <...> Настаиваю на том, что я никогда себе *не противоречил в главном*».⁷ Суть «главного» определить очень сложно: как нередко у Блока, оно, вероятно, иррационально, сокровенно. И здесь мы неизбежно будем блуждать в области гипотез и предположений. Но следует попытаться возможно шире обозначить контекст исследования данной

⁵ Степун Ф. Историсофское и политическое мирозерцание Блока / Сост. Н. Ю. Грыкаловой // Александр Блок. Pro et contra. СПб., 2004. С. 598.

⁶ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924. С. 89, 90, 91, 134.

⁷ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Подг. текста, предисловия и комм. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 372, 373.

темы, опираясь на выявление семантики конкретных блоковских противоречий, которые поддаются в какой-то степени рациональному толкованию...

1

Среди высказываний Блока есть немало таких, в которых умышленно сведены рядом заведомо противоположные по смыслу слова и выражения. Часто они были призваны предельно заострить мысль, усиливая каждый элемент пары. Внешне вроде бы противоречие, а по сути — реальное жизненное мироощущение либо эмоциональное переживание данной минуты.

В неоконченной статье о русской поэзии в дневнике (январь 1902 года) Блок утверждал: «... одним из великих парадоксов, которым живут ищущие, можно считать то, что нет большей близости, чем наибольшая отделенность, нет большей тоски, чем наибольшая радость» (СС-8. Т. 7. С. 28). По Блоку, для людей не совсем обычных такие парадоксы — почти обыденная вещь. Поэтому не особенно удивляет, когда перед возвращением из Бад-Наугейма и встречей с невестой после разлуки поэт признавался Л. Д. Менделеевой в письме от 29 июня (12 июля) 1903 года: «... мне странно и страшно и весело и тоскливо».⁸ Ей же он писал в мае 1907 года, сетуя на одиночество: «Все-таки пусто и холодно одному, хотя хорошо и свободно».⁹ Разные душевные состояния совмещаются, одно не довлеет над другим. Весьма примечателен ответ Блока на слова А. И. Арсенишвили, который так отозвался о стихах поэта: «...с ними мне не так грустно, т. е. грустней еще». «Я это чувство очень хорошо знаю, — откликнулся Блок, — временами подчиняюсь ему и не люблю его, или, выражаясь по-Вашему, „еще печальней люблю”. В этом же смысле могу сказать: „не люблю я стихов” — т. е. „слишком, болезненно люблю...”» (СС-8. Т. 8. С. 384).¹⁰

Подобную двойственность Блок иногда воспринимал не только как творческую ценность («спасительный яд противоречий»), но и как преграду на пути художника к цельному мировосприятию, мировоззрению, о чем писал в статье «О театре» (1908): «... часто — слишком часто — мы говорим человеку: „Люблю тебя”, уже точа нож на него за спиной. Мы говорим: „Презираю тебя”, ничего в этот миг не желая так сильно, как броситься к нему и заключить его в братские объятия. (...) Я знаю, и знаю не один, всю эстетическую ценность этих двойственных переживаний. И в них есть свой восторг... (...) противоречия и двойственность заразили всех поголовно» (СС-8. Т. 5. С. 260, 261).¹¹ Такие причудливые смешения чувств, разительные контрасты лишь подчеркивали сложность натуры писателя. Одна крайность как бы переходила, «перетекала» в другую. Они, если воспользоваться излюбленной формулой Блока, были «нераздельны и неслиянны».

В статье, посвященной Р. Вагнеру, Блок, размышляя о демонстративно неоднозначном отношении немецкого композитора к Христу, задавался вопросом: «Как можно ненавидеть и ставить жертвенник в одно время? Как

⁸ Блок А. Письма к жене. М., 1978. С. 188. (Лит. наследство. Т. 89).

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Сходная конструкция фразы в неотправленном позднейшем письме к З.Н. Гиппиус от мая 1918 года: «Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами...» (СС-8. Т. 7. С. 336).

¹¹ Ср. в статье «О романтизме» (1919) о как бы одушевленном отношении романтизма к стихии: «Я ненавижу тебя, потому что слишком люблю тебя. Я борюсь с тобой, потому что тоскую о тебе, как ты тоскуешь обо мне...» (СС-8. Т. 6. С. 368).

вообще можно одновременно ненавидеть и любить?» И, предполагая, отвечал так: «Если это простирается на отвлеченное, вроде Христа, то, пожалуй, можно...» (СС-8. Т. 6. С. 25). Однако для самого поэта подобные антиномии не были чем-то необычным. Причем нередко речь шла о вещах не столь уж отвлеченных. К примеру, в письме к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 года он констатировал, говоря о Петербурге: «В сущности, я пишу так много и крикливо, оттого что хочу высказать ненависть к любимому городу...» (СС-8. Т. 8. С. 131). В «Вольных мыслях» (1907) Блок прямодушно заявил о себе:

Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

(СС-8. Т. 2. С. 298)

В статье «Стихия и культура» (1908) он так выразился от лица некоего сообщества близких ему по духу людей: «... мы любим и ненавидим вместе далекую от нас Россию...» (СС-8. Т. 5. С. 353).

Иногда блоковскому адресату, вероятно, нелегко было понять из его слов, что именно он хотел сказать, используя ту или иную контрастную формулу. Так, в октябре 1910 года поэт писал А. Д. Скалдину: «Сам себя я или мало, или — скорее — слишком подробно знаю» (СС-8. Т. 8. С. 315). Действительно, в таких антиномиях души и сознания поэта гораздо больше даже не асимметрии, а хаоса, не говоря о синтезе, тем более — о гармонии. В мартовском письме 1912 года Блок убеждал Н. Н. Скворцову: «Мир прекрасен и в отчаяньи — противоречия в этом нет. (...) соединение гармонии и буйства, и порядка и беспорядка. Иначе — пропадешь» (СС-8. Т. 7. С. 138). Соединение несоединимого — проявление той непоследовательности, релятивизма в мышлении и чувствах, которые позволяли постоянно переходить из одного внутреннего состояния в другое. «Намек на определенность — болезнь для меня...», — признавался Блок в одном из писем к Е. П. Иванову (СС-8. Т. 8. С. 105). И в стихах он откровенно писал: «Мне сладостно от всяких перемен, // Мне каждый день рождает перемены» («Безрадостные всходят семена...», 1902; СС-8. Т. 1. С. 217).

По мнению Д. Е. Максимова, поэт между тем внутренне стремился к другому: «...творческой заповедью Блока, вожделенным для него высшим планом бытия, конечно, является не разорванное, бинарное восприятие, а единство и цельность всех проявлений личности, ищущей для себя объективной гармонической опоры».¹²

Возможно, Блок, и подспудно, и сознательно стремясь к «единству и цельности всех проявлений личности», духовному равновесию, хотел обрести своеобразную «гармонию противоречий». «Объективную гармоническую опору» ему было сложно найти, поскольку постоянно двоилось его сознание, менялись мысли, взгляды, суждения. Это то и дело проявлялось даже в частностях, в сиюминутной, повседневной действительности. Характерна, к примеру, запись от 26 (июня) 1909 года: «Надо и пора совсем отучаться от газет».¹³ Буквально через день, 28-го, появляется другая запись: «Читать газеты продолжаю».¹⁴ 13 июня 1911 года поэт сообщал А. В. Гиппиусу: «С лирическими стихами расстаюсь — до старости» (СС-8. Т. 8. С. 349). Ли-

¹² Максимов Д. Указ. соч. С. 299.

¹³ Блок Александр. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 150.

рические стихи, однако, Блок продолжал создавать и в 1911-м, и в последующие годы. 21 июля (н. ст.) Блок, находившийся во Франции, поделился в письме к матери: «Париж мне нравится необыкновенно, он как-то уже и меньше, чем я думал, и оттого уютно в толпе» (СС-8. Т. 8. С. 352). Совсем другое отношение к французской столице выразилось в письме к ней же от 4 сентября (н. ст.) того же года: «...я не полюбил Парижа, а многое в нем даже возненавидел» (Там же. С. 370). В 1913 году впечатление оказалось еще более мрачным: «Париж нестерпим, я очень устал за эти дни» (Там же. С. 426). Сходным образом Блок воспринимал Флоренцию, о чем свидетельствуют хотя бы два стихотворения из «Итальянских стихов»: «Флоренция, ты ирис нежный...» и «Умри, Флоренция, Иуда...».¹⁵ Так проявлялся «субъективный окказионализм», о котором писал Ф. Степун, касаясь блоковских противоречий.

Возможен ли был коренной пересмотр прежних воззрений Блока в результате воздействия на него других людей, мнением которых он дорожил. Да, возможен. Об этом говорит, в частности, резкое неприятие поэтом идей «мистического анархизма» Г. Чулкова и Вяч. Иванова, которые поначалу (особенно летом и осенью 1905 года) весьма привлекали его. Едва ли не решающую роль здесь сыграла непримиримая критика этой доктрины Андреем Белым, Д. Мережковским, Д. Философовым и др. Однако Г. Чулков и впоследствии был убежден в том, что в глубинах души и сознания Блок оставался «мистическим анархистом».¹⁶

Несомненно, на поэта оказывал влияние и ход времени, изменявший сознание: иногда на сравнительно коротком отрезке, иногда — проходили годы и годы, прежде чем кардинально трансформировались его мнения, представления, оценки. 25 июня 1906 года Блок писал Е. П. Иванову: «...опять „переоценка ценностей“, как каждое лето».¹⁷ Могли ли быть результатом такой переоценки воззрения, прямо противоположные прежним? Конечно, могли...

В феврале 1905 года Блок с чувством тревоги писал А. В. Гиппиусу: «Так всё трудно и так сложно — совсем неразрешимо, что будет с Россией и со всеми нами» (СС-8. Т. 8. С. 118). В июне того же года в письме к Е. П. Иванову он, напротив, восклицал: «Какое важное время! Великое время! Радостно» (Там же. С. 131). В январе 1906 года поэт в мажорном настрое убеждал Андрея Белого: «Будет всем нам в будущем хорошо» (Там же. С. 149).

2

Показательно отношение Блока к мистицизму в разные периоды его жизни и творчества. В августе 1902 года он делился с З. Н. Гиппиус: «Вся жизнь медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мистицизму. А он ведь влечет за собой „непобедимое внутреннее обмеление“, эти Ваши слова я очень оценил» (Там же. С. 43). Однако в феврале 1903 года он писал Л. Д. Менделеевой, с некоторой запальчивостью отвечая на ее упреки: «...самый этот „мистицизм“ (под которым Ты понимаешь что-то неземное, засферное, «теоретическое») есть *самое лучшее*, что во мне когда-нибудь

¹⁵ Ср. также в письме к матери от 19 июня (н. ст.) 1909 года: «... проклинаю Флоренцию...» (СС-8. Т. 8. С. 289).

¹⁶ Подробнее об этом см.: Быстров В. Н. Идея Преображения мира в сознании и творчестве Александра Блока // Литература и история. Вып. 2. СПб., 1997. С. 227—232.

¹⁷ Письма Александра Блока к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 48.

было; он дал мне пережить и почувствовать (не передумать, а перечувствовать) все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно. (...) „Мистицизм“ дал мне всю силу к жизни, какая есть... (...) Мистицизм не есть „теория“; это — непрестанное ощущение и констатированье в самом себе и во всем окружающем таинственных, ЖИВЫХ, ненарушимых связей друг с другом и через это — с Неведомым. Это — религиозное сознание, а не бессознательное затуманивание головы». ¹⁸ Тем не менее уже через два с половиной года Блок писал Андрею Белому: «Отчего Ты думаешь, что я мистик? Я не мистик, а всегда был хулиганом, я думаю». ¹⁹ Совершенно определенно поэт высказался в дневнике в 1911 году: «Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете» (СС-8. Т. 7. С. 134). Ф. Степун справедливо отметил, что в дневниках и сочинениях Блока «сочетается мысль, что хуже мистики ничего нет, с твердой защитой мистики, которой питается символизм». ²⁰ Неудивительно, что у Блока, особенно в ранний период, мистический экстаз причудливо соединялся с опустошающим, болезненным скептицизмом.

Нечто сходное было и в отношении Блока к символизму. В статье «Памяти В. Ф. Коммиссаржевской» (1910) он убежденно писал: «Символист есть синоним художника» (СС-8. Т. 5. С. 418). Чуть позже в статье «О современном состоянии русского символизма» (1910) он вновь утверждал: «Солнце наивного реализма закатилось; осмыслить что бы то ни было вне символизма нельзя» (Там же. С. 433). Выражено весьма категорично; казалось бы, на этот счет у Блока нет никаких сомнений. Между тем в феврале 1913 года он записал в дневнике: «Никаких символизмов больше — один, отвечаю за себя, *один...*» (СС-8. Т. 7. С. 216). Означало ли это отречение поэта от символизма и его заветов? Безусловно, нет... ²¹ Блок неизменно был уверен в том, что «символистом можно только родиться...» (СС-8. Т. 5. С. 432). И себя порой он был склонен даже отделять от некоторых «старших символистов», просто унаследовавших, на его взгляд, символизм с Запада. В ноябре 1910 года поэт с раздражением писал матери: «Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с Запада (Мережковский, Минский), растратили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием» (СС-8. Т. 8. С. 321). Не исключено, может быть, что Блок в тот момент (в 1913 году), оставаясь «прирожденным» символистом, не хотел причислять себя к символистской литературной школе? Позднее он так вспоминал о той ситуации: «...храм „символизма“ опустел, сокровища его (отнюдь не «чисто литературные») бережно унесли с собой немногие; они и разошлись молчаливо и печально по своим одиноким путям» (СС-8. Т. 6. С. 178).

Очень неоднозначным было отношение Блока к утилитарной функции искусства, к вопросу о «пользе», о служении насущным, злободневным жизненным целям и заботам. В статье «Три вопроса» (1908) он достаточно определенно заявлял: «Рамки искусства широки и вместительны, и бли-

¹⁸ Блок А. Письма к жене. С. 107.

¹⁹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 253.

²⁰ Степун Ф. Указ. соч. С. 597. Ср. также в статье архимандрита Киприана (Керна) «О религиозном пути Александра Блока»: «Нет, Блок мистичен, временами и обостренно мистичен, как в годы „Прекрасной Дамы“, так и позже, в 1910 году, например, когда он пишет свою замечательную статью „О современном состоянии русского символизма“» (Александр Блок. Pro et contra. С. 564).

²¹ Ср. утверждение З. Г. Минц в ее статье «Блок и русский символизм»: «...принадлежность Блока к символизму так же очевидна, как и рано родившееся у него стремление „преодолеть“ символизм» (Лит. наследство. 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 98). Там же подробно прослежено отношение поэта к символизму на разных этапах его творчества.

жайшим доказательством тому служит Ибсен — знамя нашей эпохи, последний мировой писатель, так жизненно, как хлеб и вода, необходимый людям, а теперь особенно — русским людям. <...> Перед русским художником вновь стоит неотступно этот вопрос *пользы*» (СС-8. Т. 5. С. 236—237). При этом он прямо оговаривался, сознавая вероятность, даже неизбежность колебаний: «...тому, кто коснется этого вопроса, не избежать противоречий, самых наивных, самых „некультурных“» (Там же. С. 239). И в следующем году в письме к матери с не меньшим убеждением утверждал уже нечто иное, затрагивая вопрос об искусстве: «Оно очень жестоко, „хлеба“ в нем искать нечего. Это — старые российские заблуждения — об „идейности“, „хлебности“ и т. д. <...> Когда хочешь хлеба, в искусстве его не найдешь, иначе все было бы гораздо проще и легче. Думаю, что тебе от смешения искусства с другим трудно отделаться, но надо же!» (СС-8. Т. 8. С. 298). После революции — вновь пересмотр старинной эстетической формулы-лозунга «искусство для искусства», далеко не чуждой символистам: «...„публика“ в своей наивности и вульгарности правее, когда требует от литературы „души и содержания“, чем мы, специалисты, когда под всякими предлогами хотим освободить литературу от принесения пользы, от служения и т. д. Я боюсь каких бы то ни было проявлений тенденции „искусство для искусства“, потому что такая тенденция противоречит самой сущности искусства и потому что, следуя ей, мы в конце концов потеряем искусство...» (СС-8. Т. 7. С. 364).

Один из наглядных примеров блоковской «переоценки ценностей» — его отношение к политике (в частности, в соприкосновении ее с искусством). Аполитичность, отталкивание, почти отвращение со временем сменялись притяжением, обостренным интересом к политике. В марте 1905 года в письме к Андрею Белому Блок жаловался: «Политика стала поперек горла...».²² В апреле 1909 года он уверял мать: «Изо всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую „политику“...» (СС-8. Т. 8. С. 281). В июне того же года Блок записал: «Хотел бы много и тихо думать, тихо жить, видеть немного людей, работать и учиться. Неужели это невыполнимо? Только бы всякая политика осталась в стороне».²³ Совершенно иначе поэт высказывался в 1919 году: «„Быть вне политики“ (Левинсон)? — С какой же это стати? Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм, предоставлять государству расправляться с людьми, как ему угодно, своими устаревшими средствами. Если мы будем вне политики, то значит — кто-то будет только „с политикой“ и вне нашего кругозора и будет поступать, как ему угодно, т. е. воевать, сколько ему заблагорассудится, заключать торговые сделки с угнетателями того класса, от которого мы ждем проявления новых исторических сил, расстреливать людей зря, поливать дипломатическим маслом разбушевавшееся море европейской жизни. <...> Мы уже знаем, что значит быть вне политики... <...> Нет, мы не можем быть „вне политики“, потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было. <...> Быть вне политики — тот же гуманизм наизнанку» (СС-8. Т. 7. С. 358—359). Примечательно также относящееся к тому же периоду свидетельство К. И. Чуковского, который записал в своем дневнике слова Блока: «Я — на всё смотрю сквозь политику, общественность...»²⁴ Однако в «Записке о „Двенадцати“» (1920) чувствуется уже явный скептицизм

²² Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 213.

²³ Блок Александр. Записные книжки. С. 145—146.

²⁴ Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 251.

в суждениях Блока о политике, проникающей в сферы искусства: «...те, кто видит в „Двенадцати“ политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой; — будь они враги или друзья моей поэмы. <...> Я смотрел на радугу, когда писал „Двенадцать“; оттого в поэме осталась капля политики. <...> Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому „Двенадцать“ прочтут когда-нибудь в не наши времена» (СС-8. Т. 3. С. 474–475).

Существенно менявшееся отношение Блока к значимым для художника-символиста, неоромантика ценностям. Таковой, среди прочих, была в его сознании и художественном мире «мечта». В письме к А. Н. Чеботаревской от 27 декабря 1915 года он со всей категоричностью заявлял: «...я ведь никогда не любил „мечты“, а в лучшие свои времена, когда мне удастся более или менее сказать свое, настоящее, — я даже ненавижу „мечту“, предпочитаю ей самую серую действительность» (СС-8. Т. 8. С. 451). Пятью годами ранее в стихотворении «Когда я прозревал впервые...» (1910), в котором Блок, одержимый мечтой о Преображении мира, вглядывался в прошлое, он выражался совершенно в ином роде:

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом искадила
Всё, чем жива была мечта.

(СС-8. Т. 3. С. 71)

Одних этих исповедальных строк достаточно, чтобы усомниться в том, что Блок «никогда не любил „мечты“».²⁵ В ретроспективных дневниковых записях 1918 года в связи со стихотворением «Я сходил в стремнины горные...» (1901) Блок отметил: «МЕЧТА (термин Вл. Соловьева — действительный)...» (СС-8. Т. 7. С. 346). Конечно, мечты могли быть чрезмерными, далекими от реальности, обманчивыми, несбывшимися:

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула.
Грубою веревкою кнута?

²⁵ Однако таких строк необычайно много. Ср. в ранних стихах, в которых образ лирического героя сближается с образом самого поэта: «Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» («Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...», 1901); «...В пути незрима // Разгорается мечта» («Ранний час. В пути незрима...», 1901); «Заревом ярким и поздними криками // Ты не разрушишь мечты» («Зарево белое, желтое, красное...», 1901); «...Мои мечты — // Орлы, кричащие в лазури» («Ты — Божий день. Мои мечты...», 1902); «Кто, проходя, души моей скрижали // Заполнил упорною мечтой? (...) Но я пойму и всё мечтой объемлю...» («Там сумерки невнятно трепетали...», 1902); «Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко, // Какою-то мечтой горела голова» («Жизнь медленная шла, как старая гадалка...», 1902); «Белой мечтой неподвижно прикован // К берегу поздних времен» («Станных и новых ищу на страницах...», 1902); «В городе колокол бился, // Поздние славя мечты...» («В городе колокол бился...», 1902); «Я проходил с мечтой о чуде...» («При желтом свете веселились...», 1902) и др.

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала.
(«Перед судом») («Что же ты потупилась
в смущеньи...», 1915; СС-8. Т. 3. С. 151)

Об этом же ранее было недвусмысленно сказано в стихотворении «Забывшие Тебя» («И час настал. Свой плащ скрутило время...», 1908):

Напрасный жар. Напрасные скитанья.
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

(СС-8. Т. 3. С. 66)

И все же Блок, перефразируя выражение К. И. Чуковского, пожалуй, больше мечтал и уповал, чем насмехался над своими мечтами и чаяниями.

Иногда поэт мотивировал кардинальную смену своих воззрений. Красноречивый пример — неприятие после итальянского путешествия в 1909 году углубленного психологического анализа в художественной прозе XIX века как выражения хаотического начала в противовес «космосу» и решительный пересмотр через два года этой точки зрения. 3 сентября 1909 года Блок писал Е. П. Иванову: после Пушкина «наша литература как бы перестала быть *искусством*, и все, что мы любили и любим (кончая Толстым и Достоевским) — гениальная путаница. Этого больше не будет и не должно быть (говоря преимущественно о «разливанном море» бесконечной «психологии»). Искусство есть только космос — творческий дух, оформливающий хаос (душевный и телесный мир). О том, что мир явлений телесных и душевных есть *только* хаос, нечего распространяться, это должно быть известно художнику... <...> Наши великие писатели (преимущественно о Толстом и Достоевском) строили все *на* хаосе («ценили» его), и потому получался удесятеренный хаос, т. е. они были плохими художниками. Строить космос можно только *из* хаоса» (СС-8. Т. 8. С. 292—293). Через два года представления Блока в этом плане резко поменялись, но тому были, как оказалось, свои объективные причины. «...Мы ругали „психологию” оттого, — записал он в дневнике в октябре 1911 года, — что переживали „бесхарактерную” эпоху... <...> Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна *вся* душа, всё житейское, весь человек. <...> Возвратимся к психологии. <...> Назад к душе, не только к „человеку”, но и ко „всему человеку” — с духом, душой и телом, с житейским — трижды так» (СС-8. Т. 7. С. 79). «Бесхарактерная» эпоха закончилась, и сразу резко изменилось отношение поэта к «психологии», «душевному и телесному миру» в искусстве. Может быть, под этой эпохой (вероятно, 1908—1910 годы) Блок подразумевал период какого-то безволия, душевной усталости, социальной апатии, созерцательности, возврата к эстетизму, «чистому искусству»? Трудно сказать определенно...

3

Отдельный аспект в контексте темы — разноречивое отношение Блока к современникам: и сугубо личностное, и художественно-эстетическое. Здесь могло влиять и общее расположение духа в тот или иной момент, и душевное состояние, и изменчивое настроение, и осознанное либо беспричинное неприятие другой личности и т. д.

Так, в июне 1904 года Блок в письме к своему ближайшему другу Е. П. Иванову признавался: «Мне редко что в современном так близко по способу выражения и восприятия, как ваши слова...» (СС-8. Т. 8. С. 104). В мае 1905 года он с искренним одобрением отозвался о статье Е. П. Иванова: «Прочел твой „Университет“, совершенно согласился и очень понравилось. Люблю твой стиль настолько, что не могу сообразить, понятен ли он другим» (Там же. С. 125). Однако в начале августа 1905 года он уже с некоторой досадой писал другу: «Иногда, когда ты говоришь, мое восприятие захлопывается, как вентилятор во время ветра. При этом внутри саднит от раскаяния, что не вникаю, и от напряжения» (Там же. С. 133).²⁶ Эти высказывания вполне искренни, Блок вовсе не кривил душой. Близкое и понятное в Е. П. Иванове вдруг оказывалось невнятным и чуждым, словно в этот момент говорили два разных человека.

Разительной была перемена в восприятии Блоком творчества В. Брюсова в 1905—1907 годах. В августе 1905 года он признавался Андрею Белому: «Я совсем разлюбил стихи Валерия Брюсова, почти без исключений. Над ним жестоко посмеялся кто-то» (Там же. С. 134). Но в январе 1906 года он писал самому В. Брюсову: «Вы знаете, что я издавна люблю Вашу поэзию и многим обязан ей, как ученик» (Там же. С. 147). В декабре 1907 года в письме к нему же Блок высказал свое восхищение по поводу сборника «Пути и перепутья»: «Перелистываю стихи, давно запечатлевшиеся в памяти, и опять пленяюсь ими. (...) Стихи Ваши — всегда со мной» (Там же. С. 220). Где же выразилось подлинное отношение к поэзии В. Брюсова? Думаем, и в том и в другом случае. Первый носил, скорее, «протестный» характер. Вероятно, в 1905 году могло проявиться стремление Блока окончательно освободиться из-под мощного влияния брюсовской поэзии, которое в 1906—1907 годах ощущалось им уже значительно меньше. Еще в октябре 1904 года Блок обращался к С. М. Соловьеву: «Почему ты придаешь такое значение Брюсову? — Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особенно от меня, который еле выкарабкивается из-под тяжести его стихов. Но ведь „что прошло, то прошло“. Год минул как раз с тех пор, как „Urbi et orbi“ начало нас всех раздирать пополам. Но половинки по-прежнему склеиваются, раны залечиваются, хочешь другого» (Там же. С. 109).

В чем-то сходны отзывы Блока о творчестве Бунина. Летом 1907 года он так оценивал его в статье «О лирике»: «...это — настоящий поэт... (...) мы должны (...) признать его право на одно из главных мест среди современной русской поэзии» (СС-8. Т. 5. С. 141). Через год — уже совершенно иная, уничижительная, оценка в статье «Письма о поэзии» (Там же. С. 295—297). Тогда же Блок отметил в записной книжке: «Маленькие современные писатели — Лазаревский, Куприн, Бунин, Кондурушкин».²⁷ О многом говорит это включение Бунина в ряд «маленьких современных писателей» вместе с Лазаревским и Кондурушкиным... В статье «Литературный разговор» (1910) Блок вновь высоко отозвался о Бунине: «... образованный, спокойный, умный и тонкий поэт» (СС-8. Т. 5. С. 438). Здесь дело не в том, что какая-то отдельная книга художника могла вызвать откровенно негативный отзыв кри-

²⁶ Позднее Блок высказывался о Е. П. Иванове еще резче, хотя ясно понимал, что друг его мало в чем переменялся в своих проявлениях: «... он портит себя „писательством“, его драгоценное место в жизни — не в том. Когда он пишет, — он свою гениальность превращает в бездарность» (30 октября 1912 года; СС-8. Т. 7. С. 172); «Женя. Я просто не понимаю его грамматики. Его фразы никак не связаны с предшествующими им фразами» (11 февраля 1913 года; Там же. С. 217).

²⁷ Блок Александр. Записные книжки. С. 115.

тика (это обычное дело), а в том, что его сразу низвели до уровня мелкого, малозначительного писателя.

Очевидно, что в некоторых случаях на суждения Блока влияли личное расположение либо неприязнь к тому или иному человеку. После возражений Мережковского по поводу статьи «О современном состоянии русского символизма» Блок сетовал в письме к Андрею Белому от 19 декабря 1910 года: «Я написал Д. С. Мережковскому несколько резких писем. Он отвечал так, что лучше бы и совсем не отвечать. Больше не буду делать попыток к сближению; для меня неприемлем Мережковский...» (СС-8. Т. 8. С. 323). Казалось бы, решительное, категоричное намерение... Однако 10 января 1911 года Блок пишет А. М. Ремизову совершенно в иной тональности: «Вы сказали несколько хороших слов о Мережковском. Потом я читал повесть Зинаиды Николаевны в „Русской мысли“. Потом увидел ее во сне — очень хорошо. Из всего этого понял ясно, что напишу и Дмитрию Сергеевичу и Зинаиде Николаевне опять и по-другому» (Там же. С. 325). В данном случае запальчивость Блока объяснялась, конечно, субъективно-эмоциональным настроением. Но не всегда этим обуславливалась резкая переоценка той или иной личности, особенно по прошествии значительного времени.

В 1906 году в статье «Педант о поэте» (1906) Блок крайне пренебрежительно отозвался о Н. Котляревском, авторе книги «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения»: «...болтовня профессора Котляревского — последний пережиток печальных дней русской школьной системы...» (СС-8. Т. 5. С. 30). О другом профессоре, Ф. Ф. Зелинском, юный Блок в письме к отцу, напротив, отзывался очень благожелательно, причислив его к «истинно интеллигентным и художественным людям» (СС-8. Т. 8. С. 26). Столь же высокий отзыв содержался в письме к А. А. Громову (сентябрь 1905 года): «Читал „Ars poetica“ — удивительно интересно и стройно написано, как все у Зелинского». ²⁸ Тем не менее позднее, в январе 1919 года, Блок отметил в дневнике, оценивая работу этих ученых: «...[глупый Зелинский и умный Котляревский]» (СС-8. Т. 7. С. 354). ²⁹ Безусловно, маститые профессора не слишком переменялись... Просто в корне изменилось восприятие поэтом способа их мышления, методов исследования, подхода к художественному материалу.

Блок-критик достаточно сурово относился к творчеству молодых поэтов, которые не были свободны от разнородного влияния других художников. Так, к примеру, он писал о стихах А. Федорова: «...лучшие строки — или рабское, или плохое подражание Бунину» (СС-8. Т. 5. С. 158). То же самое он отметил в стихах Вл. Ленского: в них есть «заимствованные сочетания слов» (Там же. С. 230). В произведениях В. Стражева Блок расценил как главный недостаток присутствие чужих влияний: «Всего неприятнее то, что чувствуется подражание кому-то или чему-то, — почти нельзя решить — чему: многим понемножку» (Там же. С. 563). Подобных замечаний в статьях и рецензиях Блока немало. Между тем в своем собственном творчестве, особенно в ранний период, он далеко не чуждался заимствований, не считая это для себя чем-то зазорным. И не всегда это было невольное, бессознательное, подспудное подражание «кому-то или чему-то», а порой вполне осознанное, и именно «многим понемножку». Речь идет не только о многочисленных реминисценциях и аллюзиях, а и о прямых цитатах, о тех самых «заимствованных сочетаниях слов»...

²⁸ Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 406.

²⁹ Ср. также запись в записной книжке от 12 декабря 1918 года: «Доклад Н. А. Котляревского. Хороший, деловой» (Блок Александр. Записные книжки. С. 439).

4

Достаточно примечательными в поэтическом искусстве Блока были «творческие противоречия», выявлявшиеся на разных этапах работы над текстами. Здесь не имеется в виду определенный художественный прием, то, что можно условно назвать поэтикой антиномий.

Контрастные по смыслу разночтения нередко возникали уже на стадии синхронной правки в рукописи.

В черновом автографе стихотворения «В лапах косматых и страшных...» (1905) в записной книжке № 11 два последних варианта стиха 3 были следующими:

- б* Дети забыли о снах вчерашних,
в Вспомнили дети о снах вчерашних,

Варианты эти (второй из которых стал основным) как бы параллельные, поскольку первый не зачеркнут; вероятно, он никак не противоречил лирическому сюжету.³⁰

В черновом автографе стихотворения «Вот Он — Христос — в цепях и розах...» (1905) в записной книжке № 11 варианты стиха 19 были такими:

- а* Обо всем забудешь и все разлюбишь
б Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь

Вполне можно предположить, что первый вариант был связан с намечавшимся продолжением в стихе 20: *а* И даже *б* И так останешь... Когда стих 20 обрел окончательный вид, тогда и возник альтернативный (ставший основным) текст стиха 19 (*ПСС-20*. Т. 2. С. 330).

В черновом автографе стихотворения «Митинг» («Он говорил умно и резко...», 1905) в той же записной книжке варианты стиха 3 были следующими:

- а* Смотрели прямо с блеском
б Смотрели прямо и без блеска

Второй вариант был затем исправлен на основной: «Метали прямо и без блеска».

Эти изменения произошли после того, как позднее был вписан стих 4: «Слепые огоньки.» (*ПСС-20*. Т. 2. С. 423).

В черновом автографе стихотворения «Пойми же, пойми же, я спутал...» (1907) в записной книжке № 17 в стих 19 имел два варианта:

- а* Ты, милая, тихо завяжешь
б Ты, милая, тихо развяжешь
(*ПСС-20*. Т. 2. С. 481)

В контексте строфы подобное разночтение может и не восприниматься как противоречие, если не придавать ему какое-то особое смысловое наполнение.

В черновом автографе стихотворения «В голодной и больной неволе...» (1909) в записной книжке № 24 стихи 3—4 первоначально выглядели так:

³⁰ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 323. В дальнейшем ссылки на это издание (Т. 1—3. М., 1997; аббревиатура — *ПСС-20*) даются в тексте с указанием тома и страницы.

«Но знаем: всколосится поле, // Вздохнет униженный народ». Затем Блок придал им совершенно иной смысл: «Когда ж заколосится поле, // Вздохнет униженный народ?» (ПСС-20. Т. 3. С. 278). Пафос утверждения сменился вопросительной интонацией.

В черновом автографе стихотворения «Новая Америка» («Праздник радостный, праздник великий... », 1913) в стихе 19 даны последовательно два полярных образа России:

б Лик твой старческий, тихий и постный
в Нет, не старческий лик и не постный

В окончательный текст вошел второй вариант. Подобные резкие «сдвиги смыслового значения образа у Блока не случайны: они отмечают смену эмоциональных тонов...»³¹

Сходный случай наблюдаем в процессе работы поэта над стихотворением «Петроградское небо мутилось дождем...» (1914). Стих 18 в черновой редакции имел два варианта:

а Торжеством наполняя сердца,
б Наполняя тревогой сердца,

(ПСС-20. Т. 3. С. 544)

Семантический сдвиг здесь обусловлен переосмыслением драматической картины переживаний, связанных с проводами воинов на фронт.

Это всё были примеры синхронной правки текста. Часто Блок, как известно, вписывал вариант в рукопись позднее (главным образом при подготовке к публикации). Так, в стихотворении «Я помню час глухой, бессонной ночи...» (1901) во второй тетради автографов в заключительной строке впоследствии оказалось два варианта:

а Мой милый друг, враждебный до конца.
б Мой страшный друг, враждебный до конца.

Первый из них, не зачеркнутый, стал в публикациях основным (ПСС-20. Т. 1. С. 244). Он сам по себе внутренне антиномичен («друг—враг»). Одним из толкований такой коллизии (не применительно к данному тексту, а в общем виде) может служить, в частности, позднейшая дневниковая запись Блока (ноябрь 1913 года): «*Другом* называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. *Врагом* — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (...). Вот почему я пишу на книге, даримой Иванову-Разумнику: „дорогому врагу“» (СС-8. Т. 7. С. 250). Отметим попутно, что эти понятия были «разведены», противопоставлены в другом раннем стихотворении «Ловлю я тонкий прах надежды... » (1901): «Но через сомкнутые вежды // Горят слова: „Не друг, а враг“» (ПСС-20. Т. 1. С. 79).

Во второй тетради автографов первоначальный вариант стиха 7 в стихотворении «Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» (1901) был следующим: «Мне — и блаженство, и печаль...». При подготовке к печати Блок в 1914 году исправил его: «Мне — беспокойство и печаль... » (Там же. С. 260). Возможно, поэт хотел подчеркнуть ту разность мироощущения героя и са-

³¹ Федотов Г. П. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 104.

красной героини, которая постоянно акцентировалась в «Стихах о Прекрасной Даме».

В той же тетради автографов стихотворение «Стою на царственном пути...» (1901) начиналось другой строкой: «Иду на царственном пути.». Перерабатывая текст для печати, Блок переменял этот стих на основной. Здесь, казалось бы, явное разночтение, однако в контексте стихотворения слова-антонимы оказались сближены по своему значению. Примечательно, что в рукописи фигурирует и вариант, предложенный матерью Блока: «Стою и нет конца пути.» (Там же. С. 252).

* * *

В статье затронута лишь малая часть блоковских противоречий; их множество — и частного характера, и достаточно принципиальных.

Бесспорно, Блок, как и многие другие художники, по своей стихийной натуре, по темпераменту, врожденным особенностям мировосприятия, душевным свойствам никогда не претендовал на то, чтобы быть теоретиком, рациональным идеологом, поскольку без строгой, устойчивой логики, последовательности нет дисциплины мышления. Он был не способен сотворить, как, к примеру, Андрей Белый или Вяч. Иванов, какую-либо «песню системы». Тем не менее поэт, естественно, не хотел постоянно противоречить себе, будучи человеком со своими довольно определенными убеждениями, взглядами, вкусами, ценностями, пристрастиями. Когда это происходило, то чаще всего получалось спонтанно. Иногда он отмечал двойственность, непоследовательность в своих действиях, намерениях и словах, иногда — просто не замечал взаимоисключающих мыслей, выводов, наблюдений. У него не было, в отличие, скажем, от В. Розанова, «демонстративного» сталкивания противоречивых высказываний, намеренного стремления уравнивать разительные противоположности (к примеру, идеологического свойства).

Как бы то ни было, исследователям, всем, кто пишет или говорит о Блоке, следует помнить о том, что во многих его суждениях и оценках выразились впечатления и умонастроения данного периода, данной минуты, которые по прошествии времени (а порой почти тут же) радикально менялись. Поэтому не стоит воспринимать их как окончательные, абсолютизировать, вырывая из того или иного локального контекста...